

Александр Эртель

Под шум вьюги

Александр Эртель

Под шум вьюги

«Public Domain»

1880

Эртель А. И.

Под шум выюги / А. И. Эртель — «Public Domain», 1880

«Большие стенные часы безукоризненно отбивали такт. Они одни только нарушали сумрачную тишь, окружавшую меня, – они да смутный шум выюги, бушевавшей за окнами...Тоска одолевала меня...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Александр Иванович Эртель

Под шум вьюги

Был пасмурный зимний день. С самого утра шла метель, дул сильный ветер. В моей холодной квартире было темно, мрачно, неприятно... Дела не было; из знакомых приехать было некому: кто отправился к празднику, – был последний день масленицы, прощенный день, – кто сидел дома, в кругу семьи. Моя семья была далеко...

Большие стенные часы безукоризненно отбивали такт. Они одни только нарушали сумрачную тишь, окружавшую меня, – они да смутный шум вьюги, бушевавшей за окнами... Книг не было, – только вчера отослал в городскую библиотеку обменять на новые.

Тоска одолевала меня... Я и курил беспрестанно, и вымеривал тяжелыми шагами мою длинную комнату, и бессознательно всматривался в волны снега, бившие в стекла... А тоска росла пуще и пуще... Пошли бродить думы, воспоминания... все горькие, невеселые, под стать к погоде, под стать к скучному сумраку, лившему в окна... Напрасно я разыскивал в этих думах, в этих воспоминаниях яркого, светлого луча, напрасно напрягал память, вызывая его, этот луч, эту ободряющую полосу света... Все было – сплошная одуряющая тьма... Моя память упорно отказывалась воспроизвести светлое, радостное и, как бы издеваясь надо мной, назойливо рисовала все скверное, все мучительное моего прошлого... Ряд фактов, один другого безотраднее, один другого тяжелее, вставали и медленно проходили предо мною, каждый отзываясь тупою болью в сердце... И как живо представлялись мне эти факты... С какой убийственной ясностью подробностей!.. Они угнетали меня... Они заполняли мою мысль, мои чувства... Мало-помалу самое желанье радости и света остывало во мне, обессиленное наплывом горя... Все во мне переполнилось этим горем, этою тоскою... Не той тихой, меланхолической тоской, которая часто неразрывна и с хорошими минутами, а той, от которой бежать хочется куда глаза глядят или разбить голову об стену...

«Хоть бы поехать куда!» – вырвалось у меня. А куда сунешься, куда поедешь в такую бешеную погоду? Куда вырвешься из этой проклятой норы?.. Я с ненавистью оглянул комнату...

Полусумрак тускло освещал белые каменные стены, чисто вымытый пол, стеклянный шкаф с кипами запыленных бумаг.

Маятник неутомимо отчеканивал такт... Вьюга металась в окна... Где-то под полом скреблась мышь...

Невыносимо...

«Поеду к Панкратову, – решил я, – что ж что погода?... Три часа езды не много».

Был час пополудни.

До Панкратова считалось тридцать верст. «Еду!» – проговорил я, упрямо отгоняя назойливые мысли о погоде, о скверной дороге... Из дома меня словно гнал кто...

Выехал я из своего хутора в два часа. В поле несла сильная подзетка... Ветер гнал беспорядочными волнами сухой снег. В двадцати шагах ничего не было видно. Но с дороги снег сметало, и ехать было можно. Колокольчики глухо звенели под дугою, прозябшие пристяжные уносили на славу...

– Эй, потрогивай, Яков, не рано! – покрикивал я, глубоко вдыхая холодный воздух и выставляя лицо в упор рьяному ветру.

– Ну вы, дети! – погонял Яков, слегка покачиваясь на облучке, и «дети» неслись, взрывая рыхлые сугробы... Дух захватывало... Что-то свежее, бодрое разливалось по жилам...

А «погода» все усиливалась. Над полем ложился сумрак. Тяжелые тучи облегли небо. Ветер свирепел...

– Эй, приуныли, голубчики!.. – понукал расходившуюся тройку Яков, молодежато посвистывая и помахая кнутиком... И тройка неслась... Колокольчики стонали и захлебывались... Пристяжные отфыркивались от снега, влипавшего в их горячие ноздри... Под полозьями скрипела морозная дорога... Вешки серыми пятнами мелькали сквозь клубы снега...

Проехали пятнадцать верст. Потянулась длинными рядами изб Большая Березовка. Сумрак сгущался... Из свинцовых туч, низко прилегших к земле, повалил снег; ветер крутил его и разгонял по полю... Лошади начинали уставать. Колокольчики звенели порывисто, словно нехотя...

– Не ночевать ли нам, Яков, а?

– Ну... с чего... Тут, по реке-то, до Россошного доберемся...

До Россошного считалось семь верст.

– Ступай до Россошного!

Опять выехали в поле. Дорога виднелась только под копытами лошадей и становилась тяжелою. Повеяло сильным холодом. Быстро вечерело...

Добрались кое-как до Россошного. Оставалось восемь верст... Дорогу положительно завалило... Посоветовались мы с возницей: «Что делать? Ехать без проводника невысказано, ночевать не хочется, – пути-то немного осталось...» Порешили искать проводника. Остановили лошадей среди улицы, и Яков пошел по ряду изб, уж кое-где мигающих огоньками.

Поиски оказались неудачными: все было мертвецки пьяно ради прощенного дня, а если и попадался трезвый, то или запрашивал нелепые деньги, или прямо посылал нас «к черту»... Яков сообщал мне о неуспехе, но не бросал попытки и все ходил по окнам.

А темь все надвигалась да надвигалась. Становился настоящий вечер. Снег до такой степени усилился, что с одной стороны улицы не было видно другой... Только огоньки смутно мерцали в окошках. Впрочем, вблизи было видно, – тьма была какая-то серая...

– Как же быть, – нету... – подошел ко мне Яков.

– Ну что ж, делать нечего – надо ночевать... Иди разыскивай ночлег.

Пошел мой возница с просьбой о ночлеге... Я сидел в санях и терпеливо дожидался его, с напряженным вниманием вслушиваясь в плаксивое завыванье вьюги... Редко, редко прерывалось это завыванье: смутно донесется залихватская песня, исполняемая пьяным голосом где-то далеко, на краю села... отрывисто звякнут колокольчики от нетерпеливого движения коренной, и опять монотонное, ноющее завыванье...

К саням подошел Яков и еще кто-то в плохом корявом зипунишке.

– Вот берется проводить за два рубля!

– А ты не пьян? – обращаюсь я к зипуну, с трудом отрываясь от тоскливых звуков вьюги.

– Росинки в рот не брал... – отвечает зипун, хватаясь за шапку. В голосе какая-то истома чудится, от всей фигуры веет беспомощностью и крайним смирением...

– Ну ладно. Как же ты, верхом, что ль, поедешь?

– Да поедемте ко мне, там видно будет... Вот у свата был, прощался... – неизвестно для чего прибавил он, мешковато усаживаясь на облучке.

Тронулись. Едем. Зипун кажет бесчисленные переулки. Ветер рвется и воет в тесном пространстве и назойливо заворачивает воротник моей шубы. Лошади поминутно прерывают рысь в глубоких сугробах... Наконец избы редуют, и видно уж чистое поле.

– Далек двор-то твой?

– Да вот неподалеку... – ежась и укутываясь в свой дрянной зипунишко, чуть слышно отвечает мужичонко.

Подъехали к концу села. Одинокая избушка из необожженного кирпича стоит на отлете, краем к крутому оврагу. К одной стороне избы прилеплено что-то вроде хлева. Давно покинутая борона с похиленными зубьями придерживает ветхую крышу на избе, а ветер, дико воя,

как бы негодуя на слабую преграду, щетинит и рвет из-под бороны черную, полуистлевшую солому. Бедно... глухо...

Трубы на крыше не было. «Знать, по-черному»¹, – подумал я.

– Слезайте, погрейтесь покуда...

– Ну, это, пожалуй, не лишнее!

Я стряхнул с себя снег, налегший густым слоем, и направился в избу. Толкнул дверь в сени... Она подалась с каким-то жалобным скрипом, снег ворвался за мною... Ощупью я нашел другую дверь, – та была на более гладких петлях и не скрипнула. Тихо я вошел в избу. Удушливым, гнилым воздухом пахнуло на меня. Я остановился у порога. Ребенок плакал где-то в темноте, слабо скрипела колыбель...

Плач этого ребенка поразил меня: мне не доводилось слышать таких тоскливых, таких ноющих ноток... Это не было капризное хныканье избалованного ребенка, это даже не было выражением требования чего-либо. В нем, в этом еле слышном, тягучем плаче, изредка прерываемом таким же тихим, беспомощным всхлипыванием, так и чудилась за сердце хватаящая жалоба, жалоба на долю, на судьбу, на ту неумолимую судьбу, что бросила в гниль, тесноту и голуую, бесшабашную бедность чистое, ни в чем неповинное создание...

С пеленок – мученик.

Вой ветра в разбитую оконницу как-то странно подлаживал к детскому плачу: он то порывисто заглушал его, то, как бы под сурдиною, рабски следил за скорбною нотою... Утешая и убаюкивая, в тон и гармонию с этим душу надрывающим дуэтом, слышалась песня матери... Правда, не песня, а причитанье какое-то...

Баю-баюшки-баю,
Баю дитятку мою...
Ходит котик ночевать,
Мою дитятку качать...

Я кашлянул.

– Ах, господи!.. Кто-й-то? – спросил слегка встревоженный женский голос.

Я рассказал в чем дело. Баба засуетилась, нашла светец; я услужил ей спичкой, и мы соединенными усилиями, зажгли огонь. Теленок, привязанный у печки, заревел благим матом и отчаянно запрыгал, – вероятно, обрадовавшись свету... Под ногами шелестела мокрая, перегнившая солома.

– Ох, и погода же!.. Да куда ж вас несет экую пору?

– К Панкратову.

– Ишь ты, ближний свет!.. – Баба покачала головой. – Право, оставайтесь... Да я и Гришку не пушу... Ну, долго ли до греха!.. Вы уж лучше ночуйте; я бы соломы настлала... в сенцах свежая есть.

Я отказался. Она слезливо посмотрела на меня и молча отвернулась к окну, за которым все выше и выше поднимался сугроб.

Ребенок умолк; хрипливое, тяжелое дыханье доносилось из колыбели. Баба, подгорюнившись, стояла, прислонясь к печке. Вся она была какая-то жалкая... Выражение беспомощности и тоскливой покорности застыло на некрасивом, испитом лице... В голосе слышалось уныние и редко-редко прорывалась какая-то детски брюзгливая злость. У ней было много общего с мужем.

– Что ж, маслену-то весело гуляли? – спросил я.

¹ По-черному. – В избах, топившихся «по-черному», без трубы, дым стлался под потолком и выходил через дверь.

– И, батюшка, какое уж тут гулянье... На соль не хватает... Мука, почитай, на исходе, а до новины-то два раза ноги протянешь... Не до гуляньев тут...

С печки робко свесилась детская головка.

– Много у тебя детей-то?

– Да вон мальчонка, пяти годочков, – указала она на головку, тотчас же юркнувшую в темноту, – девчонка еще, да грудной вот... Болеет все, нудится... Господь-то не прибирает его.

Баба тихо вздохнула.

Вошел Григорий и шумно сбил снег с мерзлых лаптей. Зипун был подпоясан, в руках пеньковый кнутишко.

– Ну, едем, что ль? – обратился он ко мне, стараясь не глядеть в сторону жены.

– Пожалуй...

Я поднялся с лавки.

– Гриша, куда же ты едешь в такую вьюгу?.. Ишь, творится-то что... Ведь непременно заблудишь...

– Небойсь, не сблужу, – отозвался Григорий, недовольно морща брови.

Баба понурилась и тихо стала качать колыбель: ребенок опять заныл. Мы вышли из избы.

Сдержанное всхлипывание послышалось сзади нас. Григорий порывисто отворил дверь в избу и вошел в нее. Я остался среди темных, как погреб, сеней.

– Да ты, Ариша, не плачь, – донеслось до меня, – тут дорога-то известная, а коли не затихнет – я и заночую у Панкратова...

– Право, не ехать бы... Вон Бодрягин-то, Захар, замерз на всеедной...

– А дома много высидишь?.. С голодухи, что ль, издыхать?.. Сама знаешь... Два целковых на земи-то не валяются: это ведь деньги!.. Не кажинный день так-то...

Дальше следовал шепот. Я отворил дверь в избу.

– Сейчас, сейчас... – засуетился Григорий, спеша вызвать на лицо подобострастную улыбку и подтягивая истрепанный кушачишко.

– Не погодить ли нам, пока утихнет, а?

Тревога показалась в глазах Григория, баба – и та как-будто испугалась...

– Что ж, воля ваша... – как-то потерянно мямлил он, – по-моему, сейчас бы... Нечего время проводить... Она сейчас-то бы лучше, пожалуй, езда-то...

– Да я тебя все равно возьму провожатым, хоть и совсем стихнет, дорога незнакомая, а все-таки ночь... – поспешил я его успокоить.

Дело уладилось. Я выкурил две-три папиросы. Вошел мой Яков, потерялся у печки, посушил варежки и опять отправился к лошадям. Григорий то и дело выбегал «смотреть погоду»; каждый раз она, по его словам, была «кажись, ничего»... – Чем дольше я сидел в избе, тем больше он тревожился, тем больше ему не сиделось на месте...

Наконец поутихло. Мы вышли из избы. Григорий вывел из хлева маленькую, шершавую лошаденку и собирался садиться на нее. Так как вешки ясно виделись по дороге, и подземка несла чуть-чуть, то я сказал ему, чтобы он привязал пока лошадь сзади и сел в сани. Он было полез на тесный облучок.

– Садись со мною рядом, а то Якову будешь мешать, – остановил я его.

Уселись. Поехали. Сквозь туманные обрывки туч кое-где светились звездочки и синелось небо. Морозило. Снег неистово скрипел под санями...

– Тут Калинкины дворики придут, – промолвил Григорий.

– Скоро?

– Версты четыре, а то и меньше...

Дорога, часто усаженная соломенными вешками, тянулась около реки. Влево – река, вправо – чистое поле... Лошади скоро уморились: снег доходил им почти до колена. Полозья

врезались... Поехали шагом. Яков то и дело похлопывал рукавицами. Григорий бочком сидел около меня и посматривал, по сторонам.

– А, должно быть, плохо тебе живется, Григорий? – обратился я к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.